

IV. Страницы новейшей истории

Анатолий Сметанников

Модернизация и консерватизм в пореформенной России

«...a new public culture was indeed developing in Late Imperial Russia. ...all pointed toward the creation of what Habermas would call a “public sphere”. But this public sphere developed in a specific context, one far removed from nineteenth-century America or even the Bismarckian Reich. A key determinant of this context was the state»¹.

Samuel D. Kassow

Пореформенная (после 1861) эпоха общепризнанно считается критическим этапом в процессе модернизации России. С этой точки зрения она рассматривается во многих работах, коллективных и авторских². При этом в последние десятилетия внимание исследователей все более смещается с социально-экономического аспекта модернизации на социокультурные ее детерминанты, в том числе на процесс формирования гражданского общества. Так, парадоксальные взаимоотношения между самодержавным режимом и гражданским обществом, спонтанно формирующимся в процессе иницируемой этим режимом модернизации, поставил в центр концептуального изложения истории петербургского периода проф. М. Раев в его труде *Comprendre l'Ancien Régime russe: état et société en Russie Impériale, essai d'interprétation* (1982). Той же теме посвящен, в частности, сборник *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* (1991) и ряд других исследований³.

¹ Kassow S.D. Russia's Unrealized Civil Society // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Ed. E.W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West. Princeton, 1991. P. 367.

² См., напр.: *Imperial Russia after 1861: Peaceful Modernization or Revolution?* / Ed. A.E. Adams. Boston, 1965; *The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861* / Ed. C.E. Black. Cambridge, 1960; Lincoln W.B. *The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia*. Dekalb, 1990; Mosse W.E. *Alexander II and the Modernization of Russia*. L., 1958; idem. *An Economic History of Russia, 1856–1914*. L., 1996; *Модернизация в России и конфликт ценностей* / Под ред. С.Я. Матвеевой. М., 1993; Каспэ С.И. *Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика*. М., 2001; Миронов Б.Н. *Социальная история России*. 2 тт. СПб., 2003.

³ *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Ed. E.W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West. Princeton, 1991.; Raeff M. *Comprendre l'Ancien Régime*

Начало модернизации («осовременивания») в Европе связано с Французской революцией как решающим событием в процессе становления коллективной воли европейского человечества к сознательному усилению «современных» черт Нового времени⁴. 1789-м годом условно датируется переход от идейного оформления этой воли (Просвещение) к приведению ее в действие. Просвещение выступило как артикуляция и апология радикальной новизны Нового времени (Modern Age, Modernity) и сформулировало задачу целенаправленного утверждения этой новизны в ущерб «пережиткам средневековья». «Модернизация» («осовременивание») была тем самым теоретически подготовлена так, как, по-видимому, никакой иной исторический процесс прежде того, – именно как осознанно мотивированное поощрение соответствующих «современности» социокультурных формирований и разрушение «архаических» институциональных и ментальных структур. Иными словами, «модернизация» есть осознание Новым временем собственной новизны и, тем самым, интенсификация ее через сотворение «традиции новизны» (tradition of novelty)⁵, перманентное обновление («осовременивание»). Сознание (дух) играет все возрастающую роль в Новое время вообще; начиная же с Просвещения (Век Разума), с его культом ratio и идеей общественного мнения, оно становится главным фактором европейской истории (и в качестве идеологии – самым непосредственным образом).

Политический консерватизм выступает как оппозиция «современности» и модернизации (прежде всего в политическом их аспекте), идейно обоснованным в Просвещении, т.е. как традиционализм и антимодернизм *par excellence*. Но если в Англии эта оппозиция носит в основном инструментальный характер, отвергая «современные» образцы политического действия, логику и логику современной политики, но отнюдь не сами цели свободы и общего блага⁶, то в Германии и

russe: *État et société en Russie impériale*. P., 1982. Особый подход к данной теме предложил, в частности, Л. Хэфнер в статье «Civil Society, Bürgertum и "местное общество": В поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в поздней имперской России», где дан также общий ее обзор (*Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 161-208).

⁴ По словам М. Раева, например, «what may be detected in the second half of the seventeenth century – and what emerged into the open in the eighteenth in most of Western and Central Europe – is society's conscious desire to maximize all its resources and to use this new potential dynamically for the enlargement and improvement of its way of life. The potential of resources includes not merely material products and riches, but intellectual and cultural creations as well». (Raef M. *The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach* // *The American Historical Review*. 1975. Vol. 80. № 5. P. 1222.)

⁵ Valade B. *Modernity* // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / Ed. N.J. Smelser, P.B. Baltes. Amsterdam, N.Y., Tokyo, 2001. P. 9940.

⁶ В Англии особая констелляция, там консерваторы в значительной мере разделяют цели (классического) либерализма, но расходятся с ним в их интерпретации и способах достижения. Причина этого в том, что «современные» ценности, провозглашенные универсальными, фактически связаны по своему содержанию и происхождению именно с английской традицией, которая, хотя и в идеализированном виде, послужила для ведущих представителей французского Просвещения ближайшим, после античной демократии, историческим образцом разумного и справедливого социального устройства. Британский (и американский)

в России консерватизм выступает именно против «современных» идеалов и ценностей, – основных, как свобода, равенство и личное право, и производных, как демократия, конституционализм, правовое государство, и др., в конечном же счете – против «политики» как таковой.

Как известно, основные векторы модернизации берут свое начало в европейском средневековье (вопреки мнению большинства представителей Просвещения, обычно акцентировавших момент разрыва с прошлым и умалявших меру преемственности). Такие атрибуты модернизации, как демократия и конституционализм, были известны на Западе задолго до Нового времени. Политическая модернизация как расширение и институционализация политического участия (*political participation*)⁷, т.е. как плюрализация власти, связана на Западе со становлением современной формы «гражданского общества» как соположенного государству автономного социетального актора⁸. Понятие и феномен «гражданского общества» вообще присущи истории Европы, поскольку социальные отношения там всегда принципиально мыслились и в той или иной мере строились по модели греческого полиса⁹. Классическая Эллада как конгломерат полисов, как *политически* в самом прямом смысле, т.е. полипотестарно структурированная территория, была прототипом Европы. После падения Рима Европа всегда представляла собой более или менее единое *политическое* пространство со многими легитимными инстанциями и центрами власти.

По мнению Дж.Л. Коэн и Э. Арато, современное гражданское общество возникло на Западе в результате попытки «деполитизации», т.е. отрешения от власти средневекового корпоративного общества в период абсолютизма в ходе формирования системы единоличного правления там, «где ранее имело место сосуществование монарха в качестве *primus inter pares* рядом со множеством других

консерватизм отличается от континентального не в меньшей мере, чем аналитическая философия – от феноменологии и экзистенциализма. Чем дальше на Восток от туманного Альбиона, тем глубже различие между традицией и «современностью», и, соответственно, тем серьезнее разногласия между сторонниками и противниками «современности», тем более телеологический характер они принимают. Это составляет, на наш взгляд, объективно-культурную основу намеченного Питером Фиреком различия между *Burkean* и *Mainstream* вариантами консерватизма (Viereck P. *Conservatism: From John Adams to Churchill*. Toronto, 1956. P. 11ff.).

⁷ «Political modernization may include the transformation of an autocracy in a democracy, or the transformation of a regime with limited political participation in a political system dominated by mass participation... and competitive struggles for the acquisition of power» (Schmidt M.G. *Modernization, Political: Alternate Paths* // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. P. 9961).

⁸ Современное гражданское общество определяется как «a self-regulating, self-governing body outside and often in opposition to the state, represented both as the nexus of societal associations expected to generate civility, social cohesion, and morality, and as the site of reciprocal economic relations among individuals engaged in market exchange activity» (Islamoglu H. *Concept and History of Civil Society* // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. P. 1891).

⁹ Так, по словам Ч. Мак-Илвэйна, «whatever our form of government, Greece has furnished us the main outlines of our political science. And the fact that the details of government under modern conditions have become so different from those peculiar to Aristotle only serves to bring into stronger relief their essential identity» (McIlwain Ch.H. *The Growth of Political Thought in the West: From the Greeks to the End of the Middle Ages*. N.Y., 1953. P. 3f).

обладателей власти (система классического феодализма)». При этом структуры и корпоративный статус прежних властных групп сохранились, поэтому «еще до того, как абсолютистскому государству удалось – во имя обретения статуса единого субъекта государства – дезорганизовать ... своих корпоративных соперников, началось и встречное движение по реорганизации "общества" как некоего противовеса государству»¹⁰.

Таким образом, политическая модернизация и становление гражданского общества на Западе, хотя и сопряженные с революционным насилием, стали очередным этапом длительной эволюции властных отношений, основанной на полицентрическом их характере, спонтанным и исторически естественным шагом в направлении дальнейшей их плюрализации. Поскольку плюрализм властных отношений возник не в Новое время, но столь же, хотя и в иных формах, характерен для античности и средневековья, многие авторы склонны видеть в нем определяющую особенность Западной Европы сравнительно с прочими культурно-историческими регионами¹¹.

Принципиально отлична в этом плане от Европы также и Россия, где издавна возобладали центростремительные тенденции структурирования власти, которые проявились еще в Ростово-Суздальской Руси, укрепились, в условиях монголо-татарского ига, в ходе собирания земель под Москву, и полностью воплотились в идее и институте самодержавия. Поэтому ситуация в России, как подчеркивал, например, Х. Сетон-Уотсон, «is surely basically different from that in Europe»¹². В связи с этим экзистенциальным отличием социетальной структуры и государственности России от таковых западноевропейских необходимо, в частности, отличать русский консерватизм от его западных аналогов¹³.

Модернизация Запада как интенсификация его глобальной экспансии и как политическая плюрализация является вестернизацией прочих культурных регионов. «Modernization in Western Europe was a more or less spontaneous process,

¹⁰ Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 134-135.

¹¹ Монтеस्कье, Бёрк, Местр, Ранке, К. Виттфогель, Оукшот, Ш. Н. Эйзенштадт, Г. Кёнигсбергер, и др.

¹² Seton-Watson H. Russia and Modernization // Slavic Review. 1961. Vol. 20. № 4. P. 585. «Surely, – добавляет он, – this is what Speransky meant when he said that "monarchical government" did not exist in Russia» (ibid.). «If there is one single factor which dominates the course of Russian history, at any rate since the Tatar conquest, it is the principle of autocracy. ... In this respect Russian history differs from that of all west European countries, except perhaps Spain. ... No social group held political power, or made policy. This role was reserved to the autocracy, which used nobles as its instruments, rewarding them materially but not compromising in matters of power» (Seton-Watson H. The Russian Empire, 1801–1917. Oxford, 1967. P. 10-12.).

¹³ «Conservatism in the ordinary Western use of the term arose from reactions against the French Revolution. Tsarist conservatism, though also sharing these Western reactions, had basically different and older origins. Partly it went back to the autocratic Khans of the Tartars... Partly it went back to the Greek Orthodox Church and to the medieval Byzantine empire... Serfdom, lack of middle class, and lack of constitutional traditions were other historical flukes promoting Russia's elephantiasis of autocracy. For all these reasons, Russian conservatism was unique» (Viereck. Conservatism. P. 84-85.)

resulting from social development. ... Modernization in Russia, Asia, and Africa has been deliberately initiated»¹⁴. Исторически формируясь между Западом и Востоком, Россия испытывала влияния с обеих сторон, поэтому процесс европеизации начался в ней гораздо раньше, чем в собственно восточных странах. По Ключевскому, этот процесс стал циклическим уже с воцарением Михаила Романова¹⁵, – таким образом, ко времени Великих реформ модернизация России проводилась уже около двух веков¹⁶. Инициатором ее выступало государство, прежде всего в адаптивных целях (defensive modernization), поэтому заимствовались преимущественно военные и административные технологии, тогда как социально-государственный строй оставался неизменно и принципиально отличным от полицентрического социально-политического порядка, преобладающего на Западе. Европеизация России, проведенная Петром I, при всей ее интенсивности, в целом носила культуртрегерский характер; аранжировав под западный «абсолютизм» московское самодержавие, он только укрепил и усилил его, вместе с соответствующим моноцентризмом социетальной структуры¹⁷. Насажение западной культуры среди дворянства само по себе имело, правда, далеко идущие последствия в связи с зарождением «(образованного) общества», по мере своего развития постепенно ставшего затем важнейшим историческим фактором. Социальное реформирование начинается лишь при Петре III и Екатерине II, с раскрепощением служилого дворянства и дарованием ему прав личной свободы и собственности.

Реформы Александра II, очередной шаг на пути европеизации России, оказались гораздо радикальнее всех прежних, поскольку имели уже решительно социетальный масштаб: результатом их стало формально-правовое преобразование всего социума в целом. Им присуще также и собственно политическое измерение в связи с институционализацией относительно автономной сферы легитимной общественной деятельности (земская и судебная реформы 1864 г.). Уже само существование этой сферы ставило самодержавие под вопрос, хотя ограничение мо-

¹⁴ Seton-Watson. *Russia and Modernization*. P. 587.

¹⁵ «Когда царь Михаил, сев на разоренное царство ... обратился к земле за помощью, он встретил в избравших его земских представителях преданных и покорных подданных, но не нашел в них ни пригодных сотрудников, ни состоятельных плательщиков. ... С тех пор не раз повторялось однообразное явление. Государство запутывалось в нарождавшихся затруднениях; правительство ... начинало искать в обществе идей и людей, которые выручили бы его, и, не находя ни тех, ни других, скрепя сердце, обращалось к Западу, где видело старый и сложный культурный прибор, изготовлявший и людей и идеи ...» (Ключевский В.О. Сочинения. 9 тт. Т. 3. М., 1988. С. 10-11).

¹⁶ См. также, напр.: Dixon S. *The Modernisation of Russia, 1676-1825*. Cambridge, 1999.

¹⁷ «Государственное устройство осталось прежним, полнота верховной власти ... получила более пространное определение... Земское самоуправление, имевшее не политический, но сословный характер до Петра, осталось таким же... Над органами сословного самоуправления, как и раньше, стояли учреждения бюрократические, и хотя внешние формы администрации были изменены, общий тип ее оставался неизменным... Деятельность Петра не была и общественным переворотом. Государственное положение сословий и их взаимные отношения не потерпели существенных изменений. Прикрепление сословий к государственным повинностям осталось во всей силе, изменился только порядок исполнения этих повинностей» (Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб., 2002. С. 568-569).

нархии не входило в намерения царя¹⁸. Таким образом, вследствие Великих реформ началась не только социально-экономическая, но и социально-политическая модернизация: «beginning with the period of the reforms a democratic society was growing in Russia under an autocratic government»¹⁹.

Мнение проф. М. Раева о возникновении гражданского общества в России уже при Александре I основано, кажется, на слишком общем и туманном понятии «гражданского общества»²⁰. Можно утверждать, скорее, что только в 1860-х гг. появились объективные основания для развития обособленного от государства и противопоставленного ему «общества», спонтанно стремящегося превратиться в гражданское общество западного типа. Решающее значение Великих реформ в этом плане констатируется издавна. Так, по словам Платонова, они принесли русскому народу «неведомые ему дотоле блага гражданственности»²¹; «величие реформ 60-х годов» – в их «общественном духе», указывал П.Б. Струве²². Революционное значение именно 1860-х гг. отмечал и Флоровский: «это был всеобщий сдвиг. В "замечательные десятилетия" этого еще не было. ... "Общественным" и широким движение становится только позже, только в эти, в "Шестидесятые" годы»²³. Как подчеркивает также Э. Виртшафтер, «not before the creation of all-class zemstvo assemblies in 1864 did representatives of Russian society acquire a legally constituted institutional base for independent political action. Only then could a politics of open contestation involving the monarchy, bureaucracy, and different groups in society begin to emerge»²⁴. Речь шла при этом о смене монистического парадигмального принципа властных отношений плюралистическим. Реформы 1860-х гг., главным образом земская и судебная реформы 1864 г., – обусловили легитимную возможность независимой деятельности, прежде всего в земском самоуправлении, судопроизводстве и печати.

В отличие от Западной Европы, где современное гражданское общество, как отмечено выше, возникло спонтанно, в процессе трансформации традиционно полицентрической структуры власти, этот феномен был чужд социетальной структуре и традиции России. Если дуализм государства и общества – «постоянная составляющая истории и политической философии Европы ... со времен Платона»²⁵, то константой русской истории является монизм государства; высказывание А. Грамши: «на Востоке (и в России) государство было всем, гражданское

¹⁸ Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 135; Леонтович В.В. История либерализма в России, 1762–1914. М., 1995. С. 339.

¹⁹ Karpovich M.M. Imperial Russia, 1801–1917. N. Y., 1940. P. 43.

²⁰ Raeff. Comprendre l'Ancien Régime russe. P. 137.

²¹ Платонов. Полный курс лекций по русской истории. С. 768.

²² Струве П.Б. Предисловие к первому изданию // Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка Министра финансов Статс-Секретаря С.Ю. Витте (1899 г.). Stuttgart, 1903. С. XXXIII.

²³ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Интернет-версия, 2003. VI, 9. // Библиотека «Вехи». <http://www.vehi.net/florovsky/puti/06.html>. Последнее посещение 19 ноября 2013.

²⁴ Wirtschafter E.K. Russian Legal Culture and the Rule of Law // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7. № 1. P. 63.

²⁵ Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М., 1998. С. 279.

общество находилось в первичном, аморфном состоянии»²⁶, – столь же хорошо известно, сколь и справедливо.

Основной конфликт пореформенной эпохи был задан тем, что рядом с государством, на протяжении столетий монополюбно направлявшим жизнедеятельность социума, возникли зачатки «общественной сферы» (public sphere)²⁷. В конце 1850-х – начале 1860-х гг., когда «общество» только начинало выходить из эмбриональной, кружково-салонной формы существования, и преобладали туманные представления о «либеральном абсолютизме», этот конфликт только назревал. Поэтому, например, посредством земской реформы надеялись «дать пищу внутренней активности общества»²⁸, видели в земстве даже «противовес конституционным стремлениям»²⁹, не понимая, по словам В. Леонтовича, что оно окажется «зародышем конституционного строя»; по его мнению, «лишь в 80-е годы Победоносцев начал это подозревать, и лишь в конце века ... Витте откровенно указал на несовместимость самоуправления с самодержавием»³⁰. Хотя, вопреки его мнению, мысль о несовместимости земства с самодержавием была высказана прямо еще в 1882 г. в брошюре В.А. Гольцева «Государство и самоуправление», в завуалированном же виде – уже в книгах *Губерния, ее земские и правительственные учреждения* (1864) А.И. Лохвицкого и *Десять лет реформ. 1861–1871* (1872) А.А. Головачева³¹, все же лишь к концу века земская активность стала восприниматься как автономная в социетальном масштабе.

Однако и в формально установленных рамках учреждения общественной самодеятельности (т.е. земство и суды прежде всего), беспрецедентные в истории России, продуцировали гражданское общество и общественное сознание. Вопрос о мере и характере этой самодеятельности, т.е. об автономии общества от государства, возник уже в ходе разработки земской реформы и с годами оказался в самом центре внимания. С ним в значительной мере связана, например, эволюция взглядов Каткова, который в эпоху оттепели пропагандировал идеи общест-

²⁶ Грамши А. Избранные произведения. 3 тт. Т. 3. М., 1959. С. 200.

²⁷ «The closely related concepts of civil society and public sphere developed in the early modern era to refer to capacities for social self-organization and influence over the state. ... Public sphere is one of several linked terms (including 'public space,' simply 'public,' and the German *Öffentlichkeit*, or publicness) that denote an institutional setting distinguished by openness of communication and a focus on the public good rather than simply compromises among private goods» (Calhoun C. *Civil Society/ Public Sphere: History of the Concept* // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. P. 1897).

²⁸ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 179; Зайончковский П.А. П. А. Валуйев // *Дневник П.А. Валуйева, министра внутренних дел*. 2 тт. Т. 1. М., 1961. С. 33.

²⁹ Леонтович. История либерализма в России. С. 309.

³⁰ Там же. Имеется в виду составленный в ведомстве Витте меморандум, опубликованный П.Б. Струве за границей: *Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка Министра финансов Статс-Секретаря С. Ю. Витте* (1899 г.). Stuttgart, 1903.

³¹ Верещагин А.Н. *Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты)*. М., 2002.

венной автономии и активности³², но позднее все настойчивее подчеркивал, что общественное служение есть только одна из форм государственной службы³³. Вслед за ним этот мотив усиленно продвигали и ведущие либеральные теоретики земства, прежде всего Безобразов и Градовский, но, разумеется, с противоположными намерениями: если Катков требовал полной субординации всякой деятельности в рамках существующей моноцентрической структуры власти, то апогеты земства рассчитывали на то, что мимикрически развившаяся под эгидой этой структуры общественная самодеятельность легитимно эмансипируется от нее со временем³⁴. К. Леонтьев, критикуя пореформенный суд и земство, указывает именно на превышение отмеренных правительством полномочий и растущие претензии на автономную социетальную роль³⁵. Таким образом, конфликт между государством и обществом, издавна считающийся одним из ключевых факторов истории России XIX века³⁶, чрезвычайно обострился вследствие Великих реформ, обусловивших стремительное, почти мгновенное по историческим меркам становление «общества» в качестве – наряду с самодержавным государством и вопреки его объективно-историческому значению – автономного социального «актора», никогда прежде в стране не существовавшего. В реальном своем масштабе этот конфликт начал обнаруживаться именно лишь в ходе осуществления реформ и собственно в процессе становления «общества», и тогда туманно-либеральные настроения периода «оттепели» стали сменяться резким разделением позиций.

Таким образом, в результате реформ 1860-х был инициирован, – хотя и, подчеркнем еще раз, вопреки намерениям Александра II и его окружения, – процесс политической модернизации, институционализации политического участия и формирования гражданского общества. Пореформенный консерватизм представлял собой, главным образом, принципиальное и со временем все более осознанное сопротивление именно этому процессу плюрализации традиционно моноцентрической структуры власти. Этим обусловлена, по нашему мнению, эволюция взглядов таких типических консерваторов пореформенной эпохи, как Победоносцев или Катков, которые в период «оттепели» шли в первых рядах реформаторов³⁷, но затем встали в оппозицию к курсу реформ. Их «поправение» отражает, прежде всего, именно осознание ими масштаба противоречия между, с одной стороны, самодержавием, которое было для них, в соответствии с традиционны-

³² Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 277-285; Китаев В.А. От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века). М., 1972. С. 91 и сл.

³³ Катков М.Н. Имперское слово. Сборник статей. М., 2002. С. 109-111, 202-203, 379-384 и др.

³⁴ См.: Верещагин. Земский вопрос в России.

³⁵ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. 12 тт. Т. 7. Кн. 2. СПб., 2006. С. 124-126.

³⁶ См., напр.: Riasanovsky N.V. A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia, 1801–1855. Oxford, 1976.

³⁷ См., напр.: Китаев. От фронды к охранительству ... С. 91 и сл.

ми воззрениями, «палладиумом России», и, с другой стороны, развитием «общественности».

В период «оттепели» они считали возможным некое стабильное равновесие между царизмом и либерализмом, между самодержавным правлением и общественной самодеятельностью³⁸, но затем постепенно пришли к заключению, что самодержавие и самодеятельность есть принципы взаимоисключающие, и поэтому, оставаясь на стороне первого, все активнее противились второй. Поскольку становилось ясно, что развитие «общественности» ведет в перспективе к ограничению монархии, оно воспринималось убежденными сторонниками самодержавия как «гниение» России³⁹. Это восприятие сформировалось в контексте традиционалистской трактовки процесса модернизации как разрушения культуры и предсмертной агонии социального тела. Острота и трагизм подобных оценок возрастали по направлению с запада на восток, т.е. в обратной зависимости от интенсивности и спонтанности процессов модернизации. Стремительные изменения в жизни Европы были истолкованы наиболее пессимистически в России, среди «вчуже» наблюдавших их консерваторов николаевской эпохи, именно как «гниение Запада»⁴⁰. С тех пор это представление о европейской «современности» стало, как известно, одним из общих мест российского антивестернизма как идеологии сопротивления («справа» или «слева») политической модернизации (в XX в. – официальная советская доктрина «загнивания буржуазного Запада»).

После царубийства 1881 г. рассеялись последние иллюзии, и позиции сторон окончательно определились. Так, была подорвана уверенность А.Д. Градовского «в совместимости самодержавия и политических свобод»⁴¹. В секретном документе министерства финансов *Самодержавие и земство* (1899) коренное противоречие между этими институтами констатировано и подробно исследовано⁴². Именно с процессом постепенной радикализации охранительной позиции связа-

³⁸ «Общее увлечение либеральными идеями и конституционализмом в то время было настолько велико, что даже М. Н. Катков предлагал созвание всероссийского земского собора, как необходимую для блага страны "организацию общественного мнения" ... а земство приветствовал как начало общественного бессловного самоуправления...» (Самодержавие и земство. ... С. 66).

³⁹ «Все вокруг нас охвачено каким-то тихим и медленным тлением!.. ... Петербургская Россия, эта мешанская современная Европа ... трещит везде по швам...», – писал, например, К. Леонтьев в 1880 г. (Леонтьев. Полное собрание сочинений и писем. Т. 7. Кн. 2. С. 187-188).

⁴⁰ См.: Гросул В.Я. и др. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 161-162.

⁴¹ Российские либералы. Сборник статей. М., 2001. С. 153.

⁴² «... чрез введение земских (и городских) учреждений, власть управления раздвоилась. В одной ее части она по-прежнему власть государственная, центр, из которого она исходит, один – самодержавие. Ей противоположна власть самоуправления; центров, из которых она берет начало, много – населения отдельных местностей. ... введение учреждений представительного самоуправления в России произвело не иное размещение, не простую децентрализацию, ... а смещение, дислокацию власти. От такого перемещения Россия не перестала быть самодержавным государством, но самодержавие затруднено приставленными к нему снизу учреждениями народного представительства, стеснено правами местных населений» (Самодержавие и земство. ... С. 75-76).

но появление пореформенного консерватизма, который можно обозначить условно как консерватизм реалистический, и который следует типологически отличать как от дореформенного консерватизма, так и от утопического консерватизма славянофилов. Происхождение пореформенного консерватизма связано со славянофильством не более, чем с западничеством.

Славянофильство – «ретроспективная утопия» (Чаадаев)⁴³, оформившаяся в условиях отсутствия политической жизни. Славянофилы стремились нейтрализовать уничижительное мнение Чаадаева о русской истории и культуре, и, в частности, объяснить политическое ничтожество населения России сравнительно с бурной исторической активностью европейских народов. Для этого они романтически идеализировали бытовую культуру как сферу подлинной, «внутренней» жизни народа, отграничив ее от «внешней» сферы власти, что позволило им также истолковать «исконное», допетровское самодержавие как результат добровольного отказа народа от власти в пользу царя. Таким образом, не отвергая идеала свободы, как это позже решительно сделал К. Леонтьев, они поместили его во «внутреннюю» жизнь. Поэтому в их интерпретации всевластие самодержца не только не препятствует свободе народа (земли), но, напротив, является условием этой свободы. В современном им николаевском режиме, как и вообще в царизме имперского периода, они видели извращение оригинального, нормативного самодержавия, реальность которого вряд ли соответствовала, конечно, созданному ими идеальному образу. Ориентируясь на этот образ, они и в пореформенную эпоху продолжали, в отличие от Каткова или Победоносцева, принципиально считать «общество» совместимым с самодержавием, – в соответствии с утверждением К. Аксакова (1855): «самостоятельное отношение безвластного народа к полновластному государству есть только одно: *общественное мнение*», поскольку в нем, «разумеется, выражающем себя гласно», «нет политического элемента»⁴⁴. В 1860-х гг. И. Аксаков развивал идею «общества» как залога правильной эволюции России⁴⁵, притом что «русский политический идеал», по его мнению, это «самоуправляющаяся местно земля с самодержавным царем во главе»⁴⁶ (в изложении ген. А.А. Киреева: «Царю принадлежит воля и действие, народу – мнение»)⁴⁷. Чичерин, а также Вл. Соловьев раскритиковали этот центральный славянофильский постулат как утопический и фантастический по сути, так

⁴³ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. 2 тт. Т. 1. М., 1991. С. 565, 754-755.

⁴⁴ Цит. по: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 1999. С. 91. (Курсив автора.)

⁴⁵ Цимбаев Н.И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1972. С. 167-215.

⁴⁶ Там же. С. 251.

⁴⁷ Цит. по: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 306. Таким образом, как отметил Р. Пайпс, объективно славянофилы «were the first Russians to think in terms of equilibrium between state and society – "vlast" and "land" (zemlia) – a concept that until then had been missing in Russia» (Pipes R. Russian Conservatism and Its Critics: A Study in Political Culture. New Haven, 2005. P. 109).

как отделение свободы мнения от свободы действия возможно в абстракции, но не в действительности социальных отношений⁴⁸. Таким образом, славянофильство изначально строилось на парадоксе и мистификации⁴⁹.

Ген. Киреев сетовал в 1906 г., что Александр III не повел Россию «по славянофильскому либеральному пути»⁵⁰. В действительности, как указывает, в частности, автор записки *Самодержавие и земство*, с назначением на пост министра внутренних дел гр. Игнатьева правительство попробовало следовать славянофильской программе⁵¹, но вскоре отказалось от нее именно потому, что на деле она ничем не отличалась от обычной либеральной⁵². К весне 1882 г., по словам А.А. Корнилова, «опыт частичного применения славянофильских идей, по которому "сила власти" должна была принадлежать царю, а "сила мнения" – народу, признан был неудовлетворительным: правительство, душою которого был Победоносцев, стало тяготиться славянофильскими декорациями и скоро определенно предпочло им простую идею "сильной власти"...»⁵³. Очевидно отсюда различие между славянофильством и консерватизмом в пореформенное время. Общей целью было сохранение самодержавия, разногласие же состояло в отношении к «общественности», претендующей на независимую социетальную роль. По сло-

⁴⁸ Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов. С. 237-238; Он же. Философия права. СПб., 1998. С. 506.; Соловьев В.С. Сочинения. 2 тт. Т. 1. М., 1989. С. 454-457.

⁴⁹ Например, журналист-«сталинист» в романе Ф. Горенштейна *Место* рассуждает уже с учетом этого противоречия: «Как бы интересно было пожить в России со свободой мнений, но без свободы действий... [...] Это и есть разумная тирания... [...] нам нужна хотя бы урезанная, куцая свобода мнений, свобода действий обязана всем давать равные права, а разумная тирания может крайности запретить... [...] Публичность, гласность – это здоровье общества, это физкультура... Физкультура не производит работы, действия, но сохраняет здоровье...» (Горенштейн Ф.Н. Место. Эпилог // Библиотека Александра Белоусенко. http://www.belousenko.com/books/Gorenstein/gorenstein_mesto_4.htm. Последнее посещение 17 ноября 2013). Как представляется, подобная «разумная тирания» на самом деле имела место в России приблизительно с 1905 г. до начала 1930-х гг., когда Сталин принялся всерьез «закручивать гайки». Другим таким периодом кажется также и постсоветский вплоть до сего дня. Однако эти исторические опыты свидетельствуют, по-видимому, о том, что состояние «свободы мнений без свободы действий» парадоксально и не может стабилизироваться надолго, т.е. подтверждают справедливость критики славянофильской концепции со стороны Чичерина и Вл. Соловьева.

⁵⁰ Цит. по: Фирсов С.Л. Человек во времени: штрихи к портрету К. П. Победоносцева // Победоносцев: Pro et contra. Антология. СПб., 1996. С. 15. Курсив автора.

⁵¹ Самодержавие и земство. ... С. 125-135.

⁵² «... взгляды славянофилов ... в практическом их применении доказали свою полную несостоятельность. Крылатые, полные поэзии слова, в роде "Правительству сила власти, а земле сила мнения", исчезали немедленно, как только соприкасались с суровой прозой жизни; весьма скоро оказывалось, что мнение несогласно с властью, а власть с мнением, и по устранению ссылок на заветы и предания старины далекой ... от программы славянофилов, для приведения в исполнение, оставалось не что иное, как та же программа либеральной партии. На проверку оказывалось, что разногласие между славянофилами и западниками, с первого взгляда совершенно непримиримое, по существу было весьма невелико...» (Самодержавие и земство. ... С. 134.)

⁵³ Корнилов А. Александр III // Гиперпроект «Большой русский биографический словарь». <http://www.rulex.ru/01010230.htm>. Последнее посещение 19 ноября 2013.

вам А. Валицкого, «the Slavophiles' practical programme ... turned out to be a specific variant of gentry liberalism rather than a defense of the *status quo*»⁵⁴.

В отличие от славянофилов, консерваторы видели в этом стремлении угрозу самодержавию. Они отстаивали исторически сложившийся моноцентрический социетальный порядок, считая его сохранение необходимым условием благополучного развития страны и выступая поэтому против ограничения и плюрализации власти, против формирующегося гражданского общества. Их общая позиция может быть охарактеризована словами П.Б. Струве (1901): «революционное для самодержавия значение мирной культурной эволюции общества понято, благонамеренные утопии во вкусе славянофилов признаны вздорными сентиментальностями»⁵⁵. Характер эпохи 1880-90-х гг. был задан их охранительным стремлением пресечь тенденции политической модернизации, формирования в России гражданского общества и общественного мнения.

⁵⁴ Walicki A. The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought. Notre Dame, 1989. P. 462. (Курсив автора.)

⁵⁵ Струве. Предисловие к первому изданию // Самодержавие и земство. ... С. XLVII.